

И.Ю. Дергачева (Балашиха, Россия)

**Автобиографический роман XX века
(по материалам «Зеленой Змеи. Истории одной жизни» М.В. Сабашниковой,
«Воспоминаний» А.И. Цветаевой
и «Истории, придуманной ею самой» Гала Дали).**

Аннотация: Статья посвящена сопоставлению, анализу проблематики, особенностям построения автобиографических романов трех современниц: М. Сабашниковой, А. Цветаевой, Гала Дали. Жанр автобиографического романа интересен для исследователя тем, что он совмещает в себе документальное и художественное начала. Выбор материала определен типологической общностью судеб авторов произведений. Круг идей, представленных в этих романах, позволяет передать мироощущение и психологию людей той эпохи.

Ключевые слова: автобиографический роман, Маргарита Сабашникова, Анастасия Цветаева, Гала Дали

I. Yu. Dergacheva (Balashikha, Russia)

**Autobiographical Novel of the 20th century
(based on Margarita Sabashnikova's "Die Grtine Schlange. Lebenserinnerungen",
Anastasia Tsvetaeva's "Memories"
and Gala Dalí's "A History, Invented by Herself")**

Abstract: The article is devoted to comparison, analysis of problems, features of the composition of autobiographical novels of three contemporaries: Margarita Sabashnikova, Anastasia Tsvetaeva, Gala Dalí. The genre of the autobiographical novel is interesting for the researcher because it combines the documentary and artistic components. The choice of material is determined by the typological commonality of the fates of the authors of the works. The range of ideas presented in these novels allows us to imagine the attitude and psychology of the people of that era.

Key words: autobiographical novel, Margarita Sabashnikova, Anastasia Tsvetaeva, Gala Dalí

Три московские барышни – «европейки нежные» (выражение О. Мандельштама), росшие на рубеже XIX–XX вв. в просвещенных, либеральных московских семьях, знавшие с ранних лет иностранные языки, учившиеся в лучших

гимназиях Москвы и не всегда удовлетворенные этим обучением, дополняли его интенсивным самообразованием.

Старшая из них, Маргарита Васильевна Сабашникова, дочь богатого купца-чае-торговца и владельца золотых приисков, родилась в 1882 г. и была родственницей Сергея и Михаила Сабашниковых, владельцев одного из лучших в России книгоиздательств «Братья Сабашниковы», а также племянницей Екатерины Бальмонт – второй жены известного поэта Константина Бальмонта. Маргарита Сабашникова – первая супруга и вдохновительница поэта Максимилиана Волошина, писавшего в дневнике в 1905 г.: «Всё, что я написал за последние два года – всё было только обращением к М.В., и часто только её словами»¹; муза влюбленного в нее Вячеслава Иванова, признанного вождя петербургских символистов, посвятившего ей 16 сонетов под названием «Золотые завесы»; художница, ученица Ильи Репина; писательница и поэтесса; многолетняя ученица австрийского философа, педагога и социального реформатора, оккультиста, ясновидящего Рудольфа Штейнера, идеями которого увлекались многие представители интеллектуальной элиты начала XX в. Роман ее, написанный уже в пожилом возрасте в Германии, был издан там на немецком языке в 1954 г., в России же напечатан в прекрасном переводе ее соратницы, тоже антропософки, М.Н. Жемчужниковой, лишь в 1993 г. Композиция этого произведения традиционна для мемуарного жанра, т.е. линейна, сохраняется фабульная последовательность событий. Содержащий красочное изображение тогдашней Москвы, архитектуру которой Сабашникова прекрасно знала, роман буквально дышит любовью к Москве, хотя, прожив в ней тяжкие революционные годы, она в 1922 г. навсегда ее покидает, поселясь в Германии, в Штутгарте. Перед читателем проходит галерея знаменитых людей, с которыми она была знакома: Константин Бальмонт, Максимилиан Волошин, художники Петр Кончаловский, Константин Коровин, Илья Репин, Константин Сомов, скульптор Анна Голубкина – ученица Родена, промышленник и меценат Савва Морозов, Андрей Белый, Валерий Брюсов, Михаил Кузмин, Эллис (Кобылинский), Лев Толстой (сосед по Пречистенке, где жила ее семья), Вячеслав Иванов и его жена Лидия Зиновьева-Аннибал. Последние сыграли не самую лучшую роль в ее судьбе, разрушив, по сути, ее брак с Максимилианом Волошиным, после чего она всю жизнь прожила одиноко.

Увлечшись идеями Рудольфа Штейнера, Сабашникова все годы Первой мировой войны провела в нейтральной Швейцарии, работая там с художниками из многих европейских стран над строительством Гетеанума – первого антропософского храма, трудясь бок о бок с Андреем Белым и его женой Асей Тургеневой, а также и с Максимилианом Волошиным. Как и другие члены антропософской общины, Сабашникова много лет не жила независимо, а сопровождала Учителя, следуя за ним по многим странам, где он читал свои пользующиеся большим успехом лекции. Роман «Зеленая Змея» заканчивается событиями 1924 г. – рассказом о пожаре в Гетеануме, практически уничтожившем храм, и о смерти Рудольфа Штейнера. До этого Сабашникова, прожив пять лет в послереволюционной России, хлебнула там лиха: голод, холод, террор, эпидемия тифа, которым она тяжело переболела, партийная цензура, положившая конец ее вначале свободному преподаванию антропософии. Обо всем она подробно и ярко рассказала в романе, как и о знакомстве в те годы с Есениным, Маяковским, актером Михаилом Чеховым, наркомом Луначарским.

¹ Цит. по: *Волошин М.* Собр. соч. Т. 11, кн. 1: Переписка с Маргаритой Сабашниковой. Книга первая. 1903–1905. М., 2013. С. 5.

Этот автобиографический роман – одна из самых талантливых книг об эпохе Серебряного века. Умению автора живописать словом можно только удивляться. Поначалу мемуаристка собиралась написать и второй том, но этого не случилось, к сожалению.

Книга является, помимо всего прочего, замечательным свидетельством о той Москве, в которой Сабашникова провела свои российские годы. Многие ли знают, что утро живущих в центре города москвичей (речь идет о конце XIX – начале XX в.) начиналось со звука пастушьего рожка? Тогда немало горожан из числа зажиточных держали у себя не только лошадей для выезда, но и коров, которых пастух собирал по утрам в стадо. Интересны и детские путешествия Маргариты: три года с семьей вне России – Лозанна, затем полгода в высокогорной Швейцарии, Париж, Неаполь, Милан, Флоренция, Рим, Дрезден. А по возвращении поступление в русскую гимназию, которая впоследствии была окончена с золотой медалью.

Одна из самых острых коллизий, изображенных в романе, – события 1907 г., когда М. Волошин с молодой женой приехали в Петербург и поселились там в небольшой квартирке, находящейся под знаменитой Башней Вячеслава Иванова – местом, которое, как известно, было тогда центром притяжения всего писательского мира Петербурга. Волошин, горячий поклонник Иванова, и не подозревал, как отразится на его семейной жизни подобное соседство. Но уже довольно скоро он имел несчастье убедиться в том, что его любимая женщина была вовлечена Ивановым с разрешения его жены, эксцентричной писательницы Лидии Зиновьевой-Аннибал, в своеобразный «треугольник», а сам он оказался «четвертым лишним». Сыграло роль то, что интеллектуалка Маргарита искренне восхищалась, как и многие современники, творениями «Вячеслава Великолепного», особенно его книгой «Религия страдающего бога», где описывались различные дионисийские культы Греции. В глазах Маргариты Иванов стоял выше Ницше, которым она тогда зачитывалась.

Когда довольно скоро после этого скончалась жена Иванова и Маргарита, уйдя от мужа, ждала предложения руки и сердца от своего кумира, этого не случилось. Недавно еще пылавший страстью к ней Иванов предпочел другую: он вступил в брак с собственной падчерицей, юной Верой Шварсалон, дочерью покойной жены от первого брака.

На примере этой болезненной для Маргариты ситуации мы можем проследить, является ли роман точным документальным свидетельством, или все-таки в нем значительна роль фантазии, рисующей некоторые обстоятельства вопреки реальным фактам. Портрет Иванова под пером уже умудренной жизнью Маргариты явно подвергся некоей десакрализации, и трудно представить, что таким человеком можно было столь сильно увлечься: «Вячеславу Иванову было тогда около сорока двух лет... Лицо с остроконечной бородкой казалось совершенно прозрачным, небольшие серые глаза смотрели хищно; его тонкая, слишком тонкая улыбка, а также высокий носовой тембр голоса показались мне слишком женственными»¹; «Но я испугалась: не похож ли он на злого “жреца” из одного моего сна: согнувшись, он входил ко мне через маленькую дверцу в низенькую сводчатую комнату»²; «Маленькие глазки Вячеслава Иванова широко открылись; я чувствовала, как его взгляд в меня впивается»³ и т. п. В то же время и из дневников Во-

¹ Волошина М. (Сабашникова М.В.) Зеленая Змея. История одной жизни. М., 1993. С. 146.

² Там же.

³ Там же. С. 151.

лошина, и из воспоминаний Евгении Герцык, знакомой и с Волошиным, и с Ивановым очень хорошо, явствует, что Маргарита в ту пору совершенно по-иному смотрела на Вячеслава Иванова, была его влюбленной поклонницей. Некоторое снижение «температуры» чувств заметно и в изображении, в целом весьма позитивном, Максимилиана Волошина. Сохранившаяся обширная переписка Маргариты с ним говорит о большой взаимной увлеченности: они обменивались в разлуке письмами порой по несколько раз в день. Это была со стороны Маргариты больше «любовь-дружба», чем «любовь-страсть», но тем не менее они сохраняли доверительные отношения многие годы, вплоть до самой кончины Волошина. Любопытно, что Лидия Зиновьева-Аннибал, которую молодая Маргарита, несмотря на дружбу с ней, воспринимала все же как соперницу, под пером Маргариты, прожившей долгую и непростую жизнь, выглядит располагающим к себе и незаурядным человеком.

В автобиографическом романе «Воспоминания» А.И. Цветаевой, родившейся в 1894 г., представлено масштабное изображение российской дореволюционной и послереволюционной жизни, которое автор относила к разряду семейной хроники, поскольку главные ее герои – члены семьи: отец – профессор Московского университета и директор Румянцевского музея в Москве, основатель музея изящных искусств на Волхонке, ныне Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Иван Владимирович Цветаев; мать – талантливая пианистка Мария Александровна Цветаева, дети, среди которых Марина Цветаева – великий поэт XX в. Начаты «Воспоминания» в 1957 г. в Павлодаре (Казахстан), где мемуаристка жила тогда в семье сына после более чем двадцатилетней трагической эпопеи – пребывания в тюрьмах, ссылках, сталинских лагерях, только в 1959 г. закончившегося полной реабилитацией. Произведение, части которого она посылала по мере написания Борису Пастернаку, заслужило его восторженную похвалу: «Читал и плакал. Каким языком сердца всё это написано, как дышит почти восстановленным жаром тех дней! ...я совсем не ждал такой сжатости и силы... какие драгоценные пропавшие клады!»¹ В то же время дочь Марины Цветаевой, Ариадна Сергеевна Эфрон, высказала немало критики в адрес Анастасии Ивановны, особенно ей не понравилось то, что основной причиной самоубийства Марины Цветаевой Анастасия Ивановна называет поведение брата Ариадны Георгия, уехавшего в эвакуацию вместе с матерью и позднее, в 1944 г., погибшего на фронте. Много лет спустя, узнав больше об обстоятельствах гибели сестры, Анастасия Ивановна свою точку зрения изменила. Очень близкий в юные годы к Марине Цветаевой человек, адресат многих ее стихотворных посвящений, героиня ее написанной в 1930-е гг. биографической прозы, Анастасия Ивановна создала прекрасную, проникновенную книгу, где подробно рассказано о формировании Марины как личности и как поэта с раннего детства, о ее окружении, которое было окружением и Анастасии тоже. Это роман обо всей семье Цветаевых – семье талантов и творцов, одно из самых впечатляющих произведений о Серебряном веке, полное драгоценных подробностей тогдашней духовной, интеллектуальной и бытовой жизни. В сильно сокращенном по цензурным соображениям виде книга вышла в 1971 г., сразу заслужив читательскую любовь, – и потом неоднократно переиздавалась. А в полном виде, без купюр, была напечатана лишь в 2008 г. Домом-музеем Марины Цветаевой в Москве.

¹ *Айдинян Ст.А.* Электричество памяти // Цветаева А.И. Воспоминания: В 2 т. Т. 1. 1898–1911 годы. М., 2008. С. 224

Заметим, что при всей беспрецедентной искренности Анастасии Ивановны есть все же определенные вещи, которых она в своей книге предпочитает не касаться, хотя это могло бы быть весьма интересно читателю. Есть и заметные преувеличения, порой ведущие к существенным отступлениям от реально существовавшей картины. В частности, Анастасия Ивановна почему-то не рассказала о том, что ее мать, у которой во время пребывания в Италии и лечения там от туберкулеза был роман с молодым революционером Владиславом Кобылянским, потом помогала ему деньгами, и весьма регулярно, до самой своей преждевременной кончины. И не только ему, а и нескольким другим своим нервийским знакомым. Не совсем понятно, почему такие явные «революционные» заслуги, значимые в советский период, Анастасия Ивановна предпочла не разглашать. При этом сам роман с революционером дочерью не только не осуждается, а, можно сказать, приветствуется как нечто весьма яркое и необычное, нарушающее рутинный ход повседневности. Хотя и к их расставанию дочь, любившая своего уже немолодого тогда отца, отнеслась с пониманием, высоко оценивая это как жертву матери ради семьи.

Что касается преувеличений, то чересчур радужно и идиллически изображены у Анастасии Ивановны отношения молодых Марины Цветаевой и ее мужа Сергея Эфрона. Да, любовь, и любовь взаимная, там, безусловно, была, но было и «многостороннее» Марины, настоящей женщины Серебряного века, проникнутой идеями богемной среды, что рано начало создавать серьезные проблемы в этом союзе, который позднее сама Цветаева называла детским браком (хотя известно и ее утверждение в письме к Лаврентию Берия после ареста Эфрона: «Я прожила с ним 30 лет жизни и лучшего человека не встретила» (письмо от 23 декабря 1939 г.)¹).

Не пишет Анастасия Ивановна и о разногласиях Сергея и Марины по поводу воспитания первой дочери, Ариадны, а потом и сына Мура, – а они были, и достаточно острые.

Что касается «параллельных» увлечений сестры в браке, то, скорее всего, отнюдь не пуританство помешало Анастасии Ивановне полноценно осветить эту тему в советских изданиях своей книги. Это за нее сделала советская цензура. В расширенном издании книги в постсоветские годы об этом говорится достаточно внятно и красноречиво.

В советских изданиях муссировать столь щекотливую тему было рискованно, поскольку уже одного эмигрантского прошлого Марины Цветаевой было достаточно, чтобы автобиографический роман начал терять шансы на появление в печати. Кроме того, в пору создания Анастасией Ивановной семейной хроники жива была ее племянница Ариадна Эфрон, судья решительная и строгая. «Воспоминаний людей, знавших МЦ, у меня вот такая папка; достоверного, толкового – мало до чрезвычайности, – писала она. – Очень много вольного или невольного вранья – очевидно свойственного человеческой природе вообще и памяти – в частности. Беда в том, что знавшие ее в зрелые годы жизни и таланта – по ту сторону границы, до них не доберешься. Самые из них одаренные и правдивые (из еще оставшихся в живых) – “молчат” – не умеют или не осмеливаются; бездарь же и всяческие политические подонки из эмигрантов “вспоминают” так, что лучше бы им помолчать»².

¹ Наследие Марины Цветаевой: сайт о великом русском поэте XX века: https://www.tsvetayeva.com/letters/let_berii (дата обращения: 19.09.2022).

² Из писем Ариадны Эфрон (1970–1975) / Публ. И. Кудровой; подгот. текста и коммент. Ю. Бродовской // Нева. 2011. № 3: <https://magazines.gorky.media/neva/2011/3/iz-pisem-ariadny-efron-1970-8211-1975.html> (дата обращения: 19.09.2022).

Дочери была дорога добрая память о безвременно погибших родителях, и ей отнюдь не хотелось вынесения на всеобщее обозрение их семейных сложностей (впрочем, сама Марина Цветаева скрывать их, от близкого круга по крайней мере, вовсе не стремилась).

Перейдем теперь к рассмотрению последнего автобиографического романа – «Жизни, придуманной ею самой» Гала Дали, год рождения которой – 1894. Удивляет это повествование тем, что описание детских лет там отсутствует, хотя есть упоминания об отроческой дружбе с одноклассницей по гимназии Потоцкой Анастасией Цветаевой и старшей ее сестрой Мариной, которые, по словам мемуаристки, внесли в ее воспитание больший вклад, чем собственная семья, где ей не хватало домашнего тепла. Странно, но о детстве одной из самых знаменитых женщин двадцатого столетия, которую звали в детстве Елена Ивановна Дьяконова, мы знаем крайне мало (хотя в своих «Воспоминаниях» Анастасия Цветаева воскрешает дружбу с ней в гимназии и рассказывает о встречах с ней во Франции в более поздние годы).

А между тем, позволь она заглянуть в него, мы узнали бы немало интересного. Но уже на одной из первых страниц автобиографического романа, написанного Гала, когда ей было уже за семьдесят, заявлено следующее: «Я помню только то, что хочу помнить»¹. По-видимому, о детстве ей даже в пожилые годы вспоминать, в отличие от М. Сабашниковой и А. Цветаевой, не слишком хотелось. Более того, в «Воспоминаниях» А. Цветаевой рассказывалось, что и в дружеском кругу в доме Цветаевых Галя (так звали девочку Елену в семье) вовсе не стремилась делиться какими-либо случаями из своего детства, тогда как Марина и Ася Цветаевы и их подруга Аня Калин буквально сыпали рассказами о нем. С чем связано подобное поведение приятной и хорошо учившейся в гимназии девочки, сказать трудно. Известно, что мать ее, Антонина Петровна Деулина, была родом из Томска и происходила из семьи сибирских золотопромышленников. Она дважды была замужем, но только первый раз официально. Первый брак с Иваном Дьяконовым, о котором мало что известно, она расторгла уже к двадцати годам, но официального бракоразводного процесса не было. Родившиеся у нее позднее дети оказались под фамилией ее первого мужа. Родилась девочка в Казани, где ее мать была акушеркой. Со вторым, неофициальным мужем, Дмитрием Гомбергом, Антонину Петровну связывала совместная революционная деятельность, в результате которой глава семьи некоторое время даже сидел в Бутырках, а в дальнейшем, как и жена, находился под надзором полиции. Совместная жизнь пары началась в 1891 г.

Родом Дмитрий Ильич был из Елисаветграда. Родители будущей Гала Дали даже значатся в словаре «Деятели революционного движения в России».

Дмитрий Ильич учился юриспруденции в Московском и в Казанском университетах. Переехав с семьей на жительство в Москву, он стал преуспевающим адвокатом, профессором Педагогического института. В мемуарах Гала ему посвящен такой пассаж: «Дмитрий Ильич то ли считал себя моим отцом, то ли нет... Скажу только, что Дмитрий Ильич Гомберг действительно был хорошим человеком, большим либералом и даже демократом, и действительно не жалел на нас денег. У нас было все, что нужно, но не более»². В дальнейшем он в воспоминаниях именуется не отцом, а отчимом. О матери дочь вспоминает, что она «перепоручила домашнее хозяйство прислуге, а детей няням»³, сама же под надежным крылышком

¹ Дали Гала. Жизнь, придуманная ею самой. М., 2017. С. 14.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 16.

преуспевающего супруга всецело отдавалась писанию детских рассказов, которые до печати не доходили, но в кругу знакомых литераторов читались регулярно.

«Кто воспитал меня больше? Боюсь, что Цветаевы»¹, – свидетельствует Елена (Галя). Она вспоминает, как «при любой возможности спешила в другой, чужой дом – к Цветаевым на Трехпрудный»². Ася тогда была ее лучшей подругой, ее одноклассницей по гимназии Потоцкой. Даже то, что у Аси была «страсть к главному», подругу не смущало.

Читая рассказ об этом, можно только удивляться: Елене-Гале словно на роду было написано с самого детства близко общаться с творческими людьми далеко не среднего калибра, и оставлять в их жизни значительный след. Ей Марина Цветаева посвятила одно из ранних своих стихотворений – «Мама в саду».

Окруженная незаурядными людьми с самого детства, девочка, а потом девушка прекрасно училась и гимназию окончила с золотой медалью.

В ее доме была обширная библиотека, она много читала. Кстати, о своей учебе в школе и золотой медали Галя в автобиографическом романе упомянуть как-то забыла, да и Анастасия Цветаева об этом ничего не написала.

А вот о нехватке родительской любви к себе Елена-Галя упоминает: «Своей маме я безразлична...»³. Отношения с братьями и сестрой близкими тоже не были. Оставались книги, дружба же с Асей Цветаевой постепенно стала тоже сходить на нет. Ася влюбилась в Бориса Трухачева, обвенчалась с ним, родила сына – и ее поглотили семейные дела и заботы, а у Гали обнаружился туберкулез, опасное и распространенное в то время заболевание. Правда, в начальной стадии. И здесь мать отстраненная превращается, даже под пером явно обиженной на нее дочери, в мать любящую, страдающую и помогающую: Галя освобождает от всякой домашней работы, она может целый день отдыхать и читать, ей находят для лечения дорогой санаторий в Швейцарии, в путь мать дает ей собственное меховое манто, провожая ее на поезд, плачет.

В живописном Клаваделе (Швейцария), на высоте почти двух тысяч метров над уровнем моря, в Альпах, состоялось судьбоносное знакомство с совсем юным и тоже больным туберкулезом Эженом Гренделем, будущим известным французским поэтом Полем Элюаром. Неуверенный в себе и своем таланте, ни разу еще не печатавший стихи, Эжен получил огромную моральную поддержку от русской девушки, предсказавшей ему судьбу великого поэта и побудившей его издавать сборники стихов. Общение это постепенно перешло во взаимную любовь. Покинув Россию в 1916 г., в разгар Первой мировой войны, Дьяконова сложным путем, чтобы не попасть на территорию воюющих стран, добирается до Парижа и ждет там в доме родителей Эжена его возвращения с фронта. Преодолев массу препятствий, в том числе и недовольство родителей Эжена такой партией для сына, уже поборов туберкулез, который был у обоих в относительно легкой форме, пара женится, появляется дочь Сесиль. Общие духовные интересы, любовь к чтению, к культурной жизни Парижа объединяют Галя и Элюара, их союз вдохновляет его на написание новых стихов, он выпускает даже сборник стихов «Её глаза», где на каждой странице помещает собственные наброски глаз жены, но участие обоих в модном тогда в Париже объединении дадаистов, контакты с зарубежными дадаистами, в том числе скандальным художником-авангардистом

¹ Дали Галя. Жизнь, придуманная ею самой. С. 16.

² Там же.

³ Там же. С. 224.

Максом Эрнстом, постепенно разрушают этот брак. Супруги перестают хранить верность друг другу и в итоге расстаются. Но Галя при этом не расстается с ролью музы, становясь источником вдохновения для безвестного тогда еще художника-сюрреалиста Сальвадора Дали, который моложе ее на десять лет. Он воспевает свою «сюрреалистическую мадонну» на многих полотнах, даже подписывает их необычно: «Галя-Сальвадор Дали», а она уверенно ведет его к славе и признанию. Беспомощный в реальной жизни гений обретает мощную поддержку, в том числе и по пропаганде своего творчества, по установлению отношений с коллекционерами картин и их продаже. Когда в Испании начинается гражданская война, Галя увозит мужа в США, где помогает ему, не знающему английского, в установлении контактов и в поисках работы, – и творчество Дали становится в США популярным и очень востребованным; его труд в разных областях – в оформлении книг, театральной сфере, рекламе, мультипликации – получает заслуженное признание и высоко оплачивается. Возвращается в Европу через восемь лет чета Дали уже мультимиллионерами – у Дали мировая слава.

Но, как пишет Галя: «Это очень тяжело – сбывшиеся мечты. Самое страшное для человека, когда ему больше не о чем мечтать, это страшнее любых трудностей»¹. И она, приняв от мужа в подарок замок Пуболь, снова пытается вырастить нового гения. На этом обрывается повествование.

«Ты близкая спутница большого русского творчества»², – писал своей второй жене Зинаиде Пастернак Борис Пастернак, уведший эту женщину из ее первой семьи с пианистом Генрихом Густавовичем Нейгаузом. В Зинаиде Николаевне он интуитивно почувствовал человека-опору, женщину, которая даст ему возможность для творческой работы, для свободного писательского самовыражения. Взяв многое на свои плечи, Зинаида Николаевна не стала концертирующей пианисткой, хотя имела большие музыкальные дарования. Главной ее миссией была поддержка мужа-творца, служение ему. То же самое какой-нибудь творческий человек мог бы, наверное, написать и Елене Дьяконовой, останься она в России. Скорее всего, и на родине она, с ее способностями к служению талантам и их поддержке, состоялась бы как муза. Но она покинула Россию навсегда в 1916 г. – и оказалась, волею судеб, спутницей большого французского, а затем еще и испанского творца – женой Поля Элюара, а потом и Сальвадора Дали. Современники нередко упрекают таких женщин в приземленности и прагматизме, в их несоответствии талантам мужей, неприветливости к поклонникам творчества их «вторых половин», не понимая, что их кажущаяся приземленность, их умение энергично и эффективно решать насущные жизненные задачи, их умение постоять за свою семью – это и есть та «опорная плита», на которой держится подобная семья, фундамент для творчества их, как правило, довольно непрактичных, а нередко, как в случае с Сальвадором Дали, совершенно беспомощных в житейской реальности мужей.

Галя Дали в книге «Жизнь, придуманная ею самой» открыто заявляет: «Проще всего подняться по отвесной стене, встав на спину, плечи или даже подставленные ладони друга. Я именно это и делала: подставляла спину, плечи и ладони.

¹ Дали Галя. Жизнь, придуманная ею самой. С. 224.

² Цит. по: Топоров В. «Жена, ты девушкой слыла...»: Институт литературного вдовства // Постскриптум: Литературный журнал. СПб.: Феникс, 1998. Вып. 2(10): <http://www.vavilon.ru/metatext/ps10/toporov.html> (дата обращения: 19.09.2022).

А если потом, поднявшись, мои Поль и Сальвадор помогли подняться и мне, то как можно за это осуждать?»¹

И это не пустые слова. Ей вторил Сальвадор Дали, для которого она всю жизнь оставалась самым близким человеком: «Гала – единственная моя муза, мой гений. Без Галы я никто». И этому не мешали видимые глазу посторонних недостатки музыки: ее любовь к дорогим нарядам, расточительство, ее чересчур боевой, своевольный нрав, острый язык – и даже ее измены, к которым оба ее мужа были на удивление терпимы.

Гала изображает себя такой, какой она и была в реальности – преданной современному искусству и имеющей обостренный «нюх» на новое и интересное в нем. Авангардистские течения – и дадаизм. и сюрреализм, – развивались у нее на глазах, она была в числе тех, кто поддерживал и вдохновлял их творцов.

Конечно, обращает на себя внимание ее порой несправедливое отношение к людям, от которых она видела помощь и поддержку. Это и ее собственная мать, и свекровь, мать Поля Элюара, взявшая на себя заботы о внучке Сесиль вместо не желающей заниматься ребенком невестки. Поверхностно и однобоко изображена первая жена художника Макса Эрнста, одна из самых образованных женщин в Германии 1920-х гг. – Луиза Штраус, искусствовед, получившая ученую степень и работающая в музее. Она в изображении Галы интересуется лишь одним – «созданием уютного дома для своего мужа и своего сына»².

Но нужно отметить, что такая откровенная незашифрованность симпатий и антипатий дает реальное представление о характере Галы, ее мировоззрении, и в итоге оказывается даже в чем-то полезной.

Не став хорошей матерью для своей единственной дочери Сесили Элюар, оставив ее на попечение отца и бабушки, Гала всю свою любовь и заботу отдавала первому мужу, который был ей благодарен за всегдашнее понимание и поддержку его творчества. Когда же любовь стала ослабевать, предметом ее забот стал другой «ребенок» – капризный, несносный временами, невзрачный, но обожающий ее Дали, изображающий свою музу то в образе Мадонны, то с ликом Христа, то в виде ангела.

«Я был изгнан из семьи в 1930 году без гроша в кармане. Мировую славу я завоевал только с помощью Бога... и повседневного героического самоотречения необыкновенной женщины – моей жены Гала»³.

Автобиографический роман Гала Дали – это очень живая, пристрастная, хлесткая, саркастическая проза.

Основной темой, объединяющей все три автобиографические романа, можно назвать тему поиска себя, своего пути в жизни, «места человека во Вселенной», говоря словами Осипа Мандельштама⁵. Искать ли себя, изучая загадки мироздания, как это сделала Маргарита Сабашникова, поверив в идеи Рудольфа Штейнера, следовать ли главному своему призванию, писательскому (как Марина и Анастасия Цветаевы), подставить ли плечо тому, в кого веришь, и облегчить его восхождение наверх, которого он достоин благодаря своему таланту, как это получилось у Гала Дали. Во всех трех произведениях звучит тема Москвы – той взлетной площадки, с которой каждая из них сумела отправиться по своему, только ей предназначенному в жизни маршруту.

¹ Дали Гала. Жизнь, придуманная ею самой. С. 12.

² Там же. С. 101.

³ History-kazan.ru/kazan-vchera-segodnya-zavtra/istoriya-v-litsach/zhzi-kazanskaya-seriya/15041-salvador-dali-gala-moj-dvojniki-eto-ya

ЛИТЕРАТУРА

Айдинян Ст.А. Электричество памяти // Цветаева А.И. Воспоминания: В 2 т. Т. 1. 1898–1911 годы. М.: Бослен, 2008. С. 8.

Волошин М. Собр. соч. Т. 11, кн. 1: Переписка с Маргаритой Сабашниковой. Книга первая. 1903–1905 / Сост. К.М. Азадовский, Р.П. Хрулева; подгот. текста Р.П. Хрулевой; коммент. К.М. Азадовского; под общей ред. А.В. Лаврова. М.: Эллис Лак, 2013. 736 с.

Волошина М. (Сабашникова М.В.) Зеленая Змея. История одной жизни / Пер. с нем. М.Н. Жемчужниковой; вступ. ст. С.О. Прокофьева. М.: Энигма, 1993. 431 с., ил.

Дали Гала. Жизнь, придуманная ею самой. М.: Яуза-Пресс, 2017. 236, 2 с., ил.

Из писем Ариадны Эфрон (1970–1975) / Публ. И. Кудровой; подгот. текста и коммент. Ю. Бродовской // Нева. 2011. №3: <https://magazines.gorky.media/neva/2011/3/iz-pisem-ariadny-efron-1970-8211-1975.html>

Мандельштам О.Э. «С миром державным я был лишь ребячески связан»: www.askbooka.ru

Цветаева А.И. Воспоминания: В 2 т. Т. 1. 1898–1911 годы / Изд. подгот. Ст.А. Айдинян-ном. М.: Бослен, 2008. 816 с.

REFERENCES

Aydinyan St.A. Memory Electricity. In: Tsvetaeva A.I. Memories: In 2 vols. Vol. 1. 1898–1911. Moscow. Boslen Publ. 2008, p. 8.

Dalí Gala. (2017) A History, Invented by Herself. Moscow. Yauza-Press. 236, 2 p., ill.

From the Letters of Ariadne Efron (1970–1975) / Publ. by I. Kudrova; text prepared and comments by Yu. Brodovskaya. *Neva*. 2011. No 3: <https://magazines.gorky.media/neva/2011/3/iz-pisem-ariadny-efron-1970-8211-1975.html>

Mandelstam O. “With the sovereign world I was only childishly connected”: www.askbooka.ru

Tsvetaeva A.I. Memoirs: In 2 vols. Vol. 1. 1898–1911 / Prep. by St.A. Aydinyan. Moscow. Boslen Publ. 2008. 816 p.

Voloshina M. (Sabashnikova M.V.) Die Grtine Schlange. Lebenserinnerungen / Transl. from German by M.N. Zhemchuzhnikova; introductory article by S.O. Prokofieva. Moscow. Enigma Publ. 1993. 431 p., ill.

Voloshin M. Collected Works. Vol. 11, Book 1: Correspondence with Margarita Sabashnikova. Book one. 1903–1905 / Comp. by K.M. Azadovsky, R.P. Khruleva; text prepared by R.P. Khruleva; comments by K.M. Azadovsky; general editorship: A.V. Lavrov. Moscow. Ellis Lac Publ. 2013. 736 p.

Сведения об авторе:

Ирина Юрьевна Дергачева,
исследователь

Irina Yu. Dergacheva,
Researcher

irina.dergacheva888@gmail.com